

Урбанизация и повседневность горожан Верхнеудинска/Улан-Удэ (конец 1920-х – 1930-е гг.): переход из сельской среды в городскую

С.В. Кириченко^a, М.Н. Балдано^b

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия
^al-a-n-a@mail.ru; ^bhistmar@mail.ru

Статья поступила 29.10.2022, принята 18.11.2022

Повседневная жизнь советского общества в 1920–1930-х гг. остается важным объектом исследований отечественной гуманитарной науки. Особое внимание к данной проблематике связано с тем, что в этот период формировалось общество нового типа, шла ломка вековых традиций и устоев, менялись социальная структура, среда обитания, духовная жизнь, повседневное бытие как горожан, так и сельчан. В этой связи возрастает интерес к региональным исследованиям перехода сельских жителей в городскую среду, поскольку у каждого региона страны была несхожая с другими степень социально-экономического развития, численность и состав населения, которое по-разному воспринимало происходившие кардинальные перемены в обществе и по-разному к ним относилось. В статье показаны изменения в бывшем уездном городе под влиянием модернизационных и урбанизационных процессов, трансформации в жизни его обитателей и новых горожан. Особый упор сделан на «крестьянизацию» города вследствие наплыва слишком большого числа сельских жителей с их стремлением сохранить образ жизни, традиционные представления и менталитет.

Ключевые слова: повседневность, ломка уклада, индустриализация, урбанизация, городская среда, сельские жители, жилищная политика, стратегии выживания

Urbanization and everyday life of Verkhneudinsk/Ulan-Ude Urbanites (late 1920s-1930s): transition from rural to urban environment

S.V. Kirichenko^a, M.N. Baldano^b

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia

^al-a-n-a@mail.ru; ^b histmar@mail.ru

Received 29.10.2022, accepted 18.11.2022

The everyday life of Soviet society in the 1920s and 1930s remains an important subject of research in the Russian humanities. Particular attention to this issue is due to the fact that during this period a new type of society was being formed, centuries-old traditions and foundations were being broken, the social structure, living environment, spiritual life and everyday life of both city dwellers and rural residents were changing. In this context, there is increasing interest in regional studies of rural-urban transition, as individual territories differed in their levels of economic and social development, population composition, size, perceptions and attitudes towards the changes that were taking place. This article presents the most typical, characteristic features of the Soviet everyday life of Verkhneudinsk/Ulan-Ude residents. The focus is on the city, the capital of the Buryat-Mongolian Republic and an economic, political and cultural centre. It differed from the countryside in its dynamism and liberal morals, and was directly in the sphere of the Bolshevik leadership's reform projects. At the same time, one of the characteristic features of the autonomy's capital was its «suburbanization» due to the influx of new citizens who brought peasant perceptions and psychology into the urban environment.

Keywords: everyday life, styling breakdown, industrialization, urbanization, urban environment, rural dwellers, housing policy, surviving strategies.

Несмотря на то, что для отечественной гуманитарной науки характерен несколько «запоздалый отклик на исследования феномена повседневности, пик активности которых в западной филосо-

фии остался далеко позади» [1, с. 472], исследователи сохраняют устойчивый интерес к этой проблематике. В 1990-е гг. в рамках «микроистории» изучались отдельные аспекты истории повседнев-

ности. С 2000-х гг. проблема стала одним из самостоятельных научных направлений. На наш взгляд, повседневность – одно из перспективных направлений, дающее возможность осмыслить не только единичные фрагменты, но и целые пласты исторической реальности того или иного периода. Тем более, что с каждым годом совершенствуются методики исторических исследований, растет количество используемых источников.

1920 – 1930-е гг. в отечественной истории стали временем перехода от НЭПа с его моделью смешанной экономики к централизованному типу хозяйства и жесткому политическому режиму. Этот период характеризовался глубинными социальными и духовными изменениями в жизни всего населения страны.

Главной чертой переходности стало наличие огромной массы людей, изменивших образ жизни под гнетом обстоятельств, в основном в результате миграции из деревни в город. Привлекавшиеся на строительство промышленных предприятий сельские жители уходили в города от коллективизации, резкого падения уровня жизни в надежде что-то заработать. Мучительный процесс «раскрестьянивания», отчуждения труда повлек за собой ломку векового уклада и бытовых традиций. В деревне обострились распри между различными группировками и кланами, сложилась криминальная обстановка. Из деревень уходили целыми семьями. Людей гнала не только материальная необеспеченность, но и правовая незащищенность и неуверенность в завтрашнем дне.

Массовый исход населения в города, где жизнь казалась легче, начался в конце 1920-х гг. От точки отправления до места прибытия путь сельского жителя зачастую был сложен и извилист. В поисках заработка люди кочевали с одной стройки на другую. Бывшие крестьяне, сталкиваясь с проблемами, не задерживались на одном месте.

Весной 1927 г. из-за избытка приезжих безработных из села Бурят-Монгольский ЦИК вынужден был издать циркуляр о порядке приема на работу только через органы Бурнаркомтруда (биржу труда). По данным Верхнеудинской биржи труда, в 1926–1927 гг. в общем количестве зарегистрированных безработных прибывшие из сельской местности составляли 30,1%, а в 1927–1928 гг. – 43,2% [2, с. 128]. Устройство на работу происходило через биржу труда. Параллельно с этими основными формами вовлечения свободной рабочей силы в промышленное строительство стали отходничество, оргнабор и вербовка. Несмотря на то, что эти формы предполагали выполнение сезонных работ, многие крестьяне уезжали в город на постоянное жительство.

Государственные органы, выполняя решения партии о пополнении рабочего класса представи-

телями коренной национальности, активно участвовали в привлечении рабочих кадров из бурятских улусов. Для бурят была введена система льгот – при регистрации на бирже труда, при приеме на работу и увольнении. На учет были взяты сезонные рабочие из числа бурят для последующего их использования на строительных работах. В 1929 г. на учете Верхнеудинской биржи труда числилось свыше тысячи безработных, а к началу 1931 г. имел место дефицит рабочей силы. Безработица в БМАССР, как и в целом по стране, официально была ликвидирована в 1930 г.

Конец 1932 г. был ознаменован введением паспортов в СССР. Но их получили только горожане, да и то не все. Колхозники, оставшиеся без паспортов, безусловно, были ограничены в свободе выбора места жительства. Но, несмотря на это, отток сельчан из деревни лишь набирал темпы. Документов у жителей села хватало: книжки колхозника, удостоверения личности, метрики, справки. Правом устроиться на завод или стройку активно пользовалась молодежь, поскольку государство в любом случае было заинтересовано в притоке рабочей силы. В постановлении СНК СССР от 16 марта 1930 г. указывалось: «Решительно воспретить местным органам власти... каким бы то ни было образом препятствовать отходу крестьян, в том числе и колхозников, на отхожие промыслы и сезонные работы (строительные работы, лесозаготовки, рыбные промыслы и т.п.)» [3]. Уклониться от работы в колхозе с последующим трудоустройством в городе сельским парням давала служба в армии. От принудительной записи в ряды колхозников детей спасали, отправляя их на учебу в город, в школы ФЗО.

Лучшее представление о масштабах миграции в Бурят-Монголии дают сведения об изменении доли городского населения между переписями. За период с 1923 по 1939 гг. численность горожан увеличилась на 353,1%, в то время как общероссийские показатели составляли 208,7%. Лидером прироста населения в республике стал г. Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск), динамика роста численности его населения к 1937 г. по сравнению с 1926 г. составила 394,2% [4, с. 64]. Материалы Городской переписи 1923 года свидетельствуют о том, что в городе проживали представители 34 национальностей: русские (80,3%), евреи (8,7%), буряты (0,2%) и, что интересно, – австрийцы, венгры, корейцы, греки и др. [5, л. 3]. Так было до 1926 г., при этом возросла доля бурят-горожан (до 2,7%).

Что же представлял собой Верхнеудинск? До революции это был преимущественно русский уездный торговый город с кустарной промышленностью, учебными заведениями, театральной и интеллектуальной жизнью. Город в 1920-е гг. состоял из одно- и двухэтажных деревянных и ка-

менных домов, построенных верхнеудинскими купцами. В центральной части были деревянные тротуары и керосиновое освещение. Минусом было почти полное отсутствие зеленых насаждений. Население города составляло чуть больше 20 тыс. человек. Гражданская война, интервенция и разруха в полной мере сказались на состоянии городского хозяйства.

В советскую эпоху Верхнеудинск стал столицей Бурят-Монгольской автономной республики и инструментом политики нациестроительства и центром общих для страны модернизационных процессов, происходивших в регионе. Город изменялся этнически за счет притока бурятского населения, значительно сократился еврейский компонент, в основном в связи с отъездом членов купеческих семей в западную часть страны. Как рассказывала Ю.В. Яковлева, «не успевшие выехать до революции члены купеческих семей, спасались бегством в 1920-е гг. Так случилось с ее двоюродным прадедом, который заболел в пути и умер. Усадьба была национализирована, работников разогнали» [6].

За короткий срок произошло изменение социальной структуры города – исчезло мещанство, практически было уничтожено купечество, резко сократилась доля горожан непромышленных групп. Им на смену пришли вчерашние крестьяне. Население Верхнеудинска/Улан-Удэ быстро росло – с 21,6 тыс. чел. в 1923 г. до 28,9 тыс. в 1926 г., достигнув 125,7 тыс. в 1939 г. [7, с. 62]. Процесс индустриализации начался с закладки и строительства крупных промышленных предприятий. Его специфика заключалась в том, что стартовые позиции промышленности республики находились практически на нулевом уровне. Но геополитически Бурят-Монгольская АССР определялась роль «плацдарма» для экспорта революции в страны зарубежного Востока.

Поскольку республика не имела технических кадров, на первых порах специалисты приглашались из промышленных центров страны. В 1932 г. на строительство ПВРЗ (паровозовагоноремонтный завод) прибыло около 1300 рабочих из центральных областей СССР – квалифицированные рабочие, инженеры и техники. Полторы тысячи рабочих прибыли по комсомольским путевкам, 5000 человек были направлены в БМАССР Народным комиссариатом путей сообщений СССР.

С 1926 по 1939 гг. численность рабочих увеличилась с 22,7 тыс. (4,6%) до 87,8 тыс. человек (36,3%), в том числе рабочих-бурят – с 1,33 до 10% [2, с. 92]. Главным источником роста городского населения оставалась внутренняя миграция, состоявшая из вчерашних колхозников-скотоводов. Основная масса рабочих не имела опыта работы в промышленности, была неквалифицированной.

Показательным примером болезненного процесса адаптации новых рабочих была попытка Улан-Удэнского ПВРЗ в 1934 г. подготовить на курсах несколько сотен рабочих-бурят к квалифицированному труду. Слабое владение русским языком, общая неграмотность, стремление общаться только со «своими» из-за нередких прямых оскорблений по национальному признаку, бытовая неустроенность привели к тому, что большая часть подготовленных бурятских кадров покинула производство. Результатом стало невыполнение плана подготовки бурят-рабочих [8, л. 309]. Материалы Государственного архива Республики Бурятия содержат немало подобных примеров.

Социальная необустроенность, чрезмерная коллективизация быта приводили к прогулам, хулиганству, текучести кадров, доходившей до 80-90% среднесписочного числа рабочих на производстве. Многие вообще не выдерживали и возвращались домой.

Ежегодно в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Верхнеудинск прибывало от 30 до 50 тыс. бывших крестьян, привносящих в городскую среду крестьянские представления и психологию. Они стремились и в городе воспроизвести общинный уклад жизни, укрепляя земляческие отношения. Ответной реакцией городского сообщества на подобные проявления становилась открытая недоброжелательность, часто с этнической окраской. Однако город имеет обыкновение «перерабатывать» неогорожан, нивелируя культурные различия и снимая этнически окрашенное напряжение [9, с. 232]. При высокой интенсивности миграционного притока город не в состоянии «переварить» всю массу вчерашних крестьян. Тогда проявляются такие черты урбанизации, как незавершенность, «поселковость» и др.

В русле политики коренизации из бурят формировался слой политической и административной элиты, представителей творческой интеллигенции, учителей, врачей. Коренизация должна была сгладить противоречия между Центром и окраинной республикой. Власти не могли не считаться с тем, что к 1920-м гг. неизмеримо возросло национальное самосознание бурятского народа, равно как и авторитет высокообразованных интеллектуалов из его среды.

Реализация политики коренизации предполагала подготовку нацкадров для работы в государственных и общественных органах, просвещении, науке, промышленности и др., создание институтов национальной государственности (культурные институции, высшая школа, средства массовой информации, творческие союзы и др.). В этом смысле важным социальным лифтом стало образование. Рабочих и крестьян из числа бурят в соответствии с системой квот отправляли в другие

города на учебу в высшие учебные заведения. Получив образование, они возвращались в родной город и получали работу в учреждениях и организациях, на предприятиях и стройках. Несмотря на непоследовательность проводимой политики, коренизация привела к вполне осязаемым результатам: доля бурят среди городского населения, во властных структурах, среди творческой и научной интеллигенции продолжала расти.

Как ни парадоксально это звучит, но формировавшаяся система разделения труда способствовала смягчению возникавших противоречий. В городе создавались новые профессиональные ниши, это давало возможность старожилам сохранять позиции в городской экономике. Приезжие из других регионов концентрировались в индустриальной сфере. Такое разделение труда позволяло минимизировать конкурентные конфликты.

Уступки в культуре, кадровой политике, языке должны были погасить автономистские и сепаратистские настроения. По словам Г. Зимона, «коренизация была призвана предотвратить развитие националистических сил» [10]. Т.Д. Скрынникова отмечала, что «коренизация должна была встроить этничность в советскую политическую систему и тем самым погасить ее мобилизационный потенциал, перенаправив его в русло национально-государственного социалистического строительства» [11, с. 57]. Формирование новых социальных групп – номенклатуры, интеллигенции, городских средних слоев, рабочих – шло в русле политики коренизации, которая была свернута к концу 1930-х гг.

Урбанизация стремительно и неоправданно резко порывала с прошлым. Рушились устои и традиции, обгоняя складывание новых форм жизни. И это при том, что социальная политика была направлена на то, чтобы новые горожане могли в более сжатые сроки включаться в городскую жизнь. Это была интеграция в трудовые коллективы через систему профессиональной подготовки кадров, через различные общественные организации и т.д. Вместе с тем коллективы промышленных предприятий становились новой, гораздо более устойчивой общностью, нежели землячества. И именно там довольно рано начали проявляться элементы общинной организации.

Рабочие кадры готовились без отрыва от производства в ходе строительства заводов и фабрик. С завершением строительства и пуском предприятий в эксплуатацию вчерашние строители становились к станкам. Подготовка инженерно-технических работников шла на рабочих факультетах, в 14 техникумах и двух вузах. С 1923 по 1937 гг. число ИТР в республике увеличилось в 37 раз, а с 1937 по 1940 гг. их численность возросла на 35,5% и составила 5,6% от всего про-

мышленно-производственного персонала республики [12, с. 99].

На стройках и предприятиях было развернуто социалистическое соревнование – несомненное достижение советского государства, призванное заменить капиталистическую конкуренцию. На первых порах создавались ударные бригады, проводились смотры. С насыщением предприятий техникой появилось новое направление: необходимо было научиться управлять оборудованием. Появлялись разные виды и формы соцсоревнования, но самым крупным стало стахановское движение. Соревнование между предприятиями, бригадами, цехами и рабочими стимулировало трудовой энтузиазм и производственную дисциплину. Город знал своих передовиков. Ежедневно обновлялись стенды с новостями на городских улицах, в практику вошло сооружение досок Почета у заводских проходных, возле райкомов партии и в других местах. Стать передовиком производства считалось делом чести для людей, работавших не покладая рук. К тому же это был шанс своим трудом достичь уважения и улучшить свою жизнь. Заработная плата стахановцев и ударников была выше зарплат чернорабочих в 8-10 раз.

При этом в городских трудовых коллективах, как и в целом по стране, царил напряженность из-за репрессивной политики властей, искавших саботажников, «панмонголистов», шпионов. Это было страшное время, когда, по существу, каждый был готов дать любые показания на кого бы то ни было, лишь бы не тронули его семью. Подавляющее большинство репрессированных были невиновными. По воспоминаниям бывшей учительницы Л.С. Паркиной, «на отца донес знакомый, влюбленный в нашу маму. В результате – арест в 1938 г., тюрьма, расстрел, реабилитация в 1956 г.» [13]. Таких примеров множество, за каждым – искалеченные судьбы людей.

Были репрессированы руководители Бурят-Монгольской АССР, писатели, ученые, священнослужители, рядовые служащие и колхозники. Гонениям подверглись служащие православной, старообрядческой и других конфессий – сначала из-за обвинений в «ведущейся антисоветской пропаганде», чуть позже все, кто имел хотя бы косвенное отношение к религии, подлежали репрессиям. В небытие уходили руководители промышленных предприятий, транспорта истроек, служащие и рядовые рабочие. «Лихорадило» производство, новые работники с громадными трудностями в короткие сроки пытались отладить технологический процесс.

Модернизационные программы воплощались в жизнь одновременно. Наряду с коллективизацией и индустриализацией полным ходом шла культурная революция. Запущенная программа все-

общей ликвидации безграмотности привела к тому, что общий уровень грамотности населения Бурят-Монголии к 1939 г. достиг 93%.

Сложилась советская система образования. Преподавательский состав готовился на различных очных и заочных курсах, рабочих факультетах, в партийных школах, педагогических училищах Верхнеудинска (с 1932 г. – Кяхты), Аги, Бохана. В 1932 г. в столице республики было два института (педагогический и агропедагогический). Возникли новые средние учебные заведения: театральные (1929) и кооперативный (1930) техникумы, медицинское (1930) и педагогическое (1931) училища. Открывались новые школы.

Появились кадры учителей, врачей, творческой интеллигенции, управленцев и ученых. В 1930-е гг. в городе работали Русский и Бурят-Монгольский драматические театры, Республиканский колхозно-совхозный театр, творческие союзы, музеи, клубы, спортивные общества и др. Общебурятский литературный язык получил свое оформление. На нем так же, как и на русском языке, печатались газеты и журналы, велось делопроизводство, шло преподавание в бурятских школах, ставились пьесы в театрах. Город приобрел привлекательность и притягательность.

В городе можно было выучиться и найти работу. Поэтому поток мигрантов из села не иссякал. Однако получить жилплощадь было непросто, сказывалась острая нехватка жилых помещений. В 1934 г. около 80% всех строителей крупных промышленных предприятий города не имели нормальных жилищных условий, проживая в постройках барачного типа, землянках, сараях и даже палатках.

К 1936 г. в Верхнеудинске/Улан-Удэ были возведены соцгородки ПВРЗ, стекольного завода и мясокомбината, представлявшие собой жилые кварталы со своей инфраструктурой – больницей, поликлиникой, детскими садами, школами, магазинами и т.д. Соцгородок был прообразом городкоммун, образцом советского городского пространства. Работники промышленных предприятий получили возможность перебраться из ветхих бараков в благоустроенные квартиры. Для служащих и представителей творческой интеллигенции начали строить дома специалистов.

При этом проблем было много. В 1933 г. в стране были отменены карточки на продукты. Казалось бы, это означало улучшение жизненных условий населения. Но кризис снабжения города, неразвитая сеть государственной торговли в реальности привели к повышению расходов на питание в бюджете городских жителей. Большую часть продуктов – от круп до растительного масла – горожане покупали у частников. Популярность открытых в городе кафе и столовых падала. Чтобы

экономить, многие питались дома. Не только продукты, но и промышленные товары, одежда и обувь относились к разряду дефицитных.

Причины такого положения лежали на поверхности: государственное производство было ориентировано на тяжелую промышленность, а ремесленники и кустари были ликвидированы в начале 1930-х годов. Лишь Законом от 27 марта 1936 г. были легализованы пошив одежды, починка обуви, парикмахерские услуги, стирка белья, фотография и др. В этом же году при численности населения около 120 тыс. чел. торговая сеть г. Улан-Удэ была представлена 107 магазинами [14, л. 73].

В зависимости от численности населения Наркомат снабжения БМАССР должен был выделять фонды продовольствия и товаров. Однако зачастую планы разрабатывались нечетко, поставки товаров запаздывали, а иногда и срывались, хотя снабжение занятого в индустриальном производстве населения оставалось приоритетным.

В городе была «барахолка», расположенная на выселках. Там можно было недорого купить практически все – от спичек до пальто. На вырученные деньги люди покупали то, в чем нуждалась семья. Иногда прибегали к обмену. Подобные рынки были не только во всех городах СССР, но и в других странах. Они помогали населению выживать в трудные времена.

Из воспоминаний пенсионерки С.В. Буртоновой: «Помню, я была еще маленькой девочкой, но знала слово «барахолка». Позже я поняла, что эта самая «барахолка» была настоящим спасением для нашей семьи. Папа был монтером, а мама – домохозяйкой. Нас было четверо детей и еще бабушка. Денег не хватало. Всех надо было кормить и одевать. Хорошо, что мы могли донашивать одежду старших. А когда надо было покупать теплую одежду или обувь, мама несла на «барахолку» что-нибудь из дома. Продавала или обменивала на нужную вещь» [15]. Это было обычным делом. Многие горожане придерживались такой стратегии выживания.

1920-1930-е гг. вобрали в себя множество разных событий, рассмотрение которых через призму истории повседневности дает возможность показать разнообразие исторического процесса. Этот период характеризуется социальными экспериментами и трансформациями – новой экономической политикой, урбанизацией, индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией. Индустриализация сопровождалась ускоренной урбанизацией и массовой миграцией из сельской местности в города. Ликвидация институтов традиционного общества привела к замене их на новые, определяющие социальный контекст повседневности человека. На одну чашу весов были брошены массовые репрессии, всепроникающий страх, тотальный дефицит товаров первой необ

ходимости, а на другой оказались радости и горести повседневной жизни подавляющего большинства населения. Советский человек смог на протяжении десятилетий переживать тяжелейшие испытания, благодаря невероятной способности обыденно воспринимать их в качестве само собой разумеющегося течения времени. В памяти строителей нового общества 1920-1930-е гг. стали еще и

временем личной сопричастности ко всему происходившему и реальной гордости за успехи первой в мире страны победившего социализма.

Работа выполнена по госзаданию (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5).

Литература

- Щербаков В.П. Homo soveticus в сетях повседневности // Человек постсоветского пространства: сб. материалов конф. (24-25 февр. 2005 г.). СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2005. Вып. 3. С. 471-476.
- Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923-1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. 431 с.
- Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы: постановление СНК СССР от 16 марта 1930 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. № 75. 1930. 17 марта.
- Бурятская АССР в цифрах (1923-1973): юбилейный стат. сб. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 159 с.
- Всероссийская городская перепись 1923 г. Данные о населении г. Верхнеудинска. Табл. 5 // Гос. архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 3.
- Из интервью С.В. Кириченко с Ю.В. Яковлевой (1956 г. р.). Улан-Удэ. 16 дек. 2019 г.
- Балдано М.Н., Кириченко С.В. Этнозация городского пространства Верхнеудинска / Улан-Удэ: город как инструмент выращивания современной городской нации // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 50-56.
- История Бурятии: в 3 т. XX-XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. 463 с.
- Балдано М.Н., Дятлов В.И., Кириченко С.В. Город, ставший Домом // Дружба народов. 2017. № 6. С. 225-236.
- Simon Gerhard. Nationalism and policy toward the nationalities in the Soviet Union: from totalitarian dictatorship to poststalinist society. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1991. 483 p.
- Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2004. 216 с.
- Балдано М.Н. Модернизация 1920-1930-х гг.: создание кадров рабочих Бурятии // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. История. 2018. Т. 26. С. 91-100.
- Из интервью К.Б.-М. Митупова с Л.С. Паркиной (1936 г.р.). Улан-Удэ. 17 нояб. 2012 г.
- Конъюнктурный обзор народного хозяйства и социально-культурного строительства БМАССР за 1931 г. // ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 656. Л. 73.
- Из интервью С.В. Кириченко с С.В. Буртоновой (1938 г. р.). Улан-Удэ. 11 авг. 2022 г.

УДК 94(57)

DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-138-143

Развитие сети железных дорог в Сибири в начале XX в.: дискуссионный аспект (по материалам журнала «Сибирские вопросы»)

В.В. Кудряшов^а, В.Н. Максимова^б

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^аvas60kud@mail.ru, ^бmaksimova_v_n@mail.ru

Статья поступила 05.10.2022, принята 16.11.2022

Статья посвящена обсуждению в сибирской прессе и в журнале «Сибирские вопросы» проектов железных дорог, планировавшихся к постройке в начале XX века от Транссиба. Авторы раскрывают роль печатных средств массовой информации в формировании общественного мнения по вопросу развития железнодорожной сети, показывают противоречивость оценок проектов со стороны различных слоев российского в целом и сибирского общества в частности. Особое внимание уделено анализу проектов развития железных дорог из Иркутской губернии в Приленский край. В дискуссии были вовлечены губернаторы, депутаты III Государственной думы, представители торгово-промышленных кругов. Авторы пришли к выводу, что в ходе обсуждения проектов фактически был сформирован проект будущей Байкало-Амурской магистрали, реализованный советским государством в 1970-1980-е гг.

Ключевые слова: железная дорога, Сибирь, проекты, дискуссии, общественное мнение, журнал «Сибирские вопросы».